

Фёдор Достоевский

СЛАБОЕ
СЕРДЦЕ



QANUN NƏŞRİYYATI

Вася Шумков – молодой и неприметный чиновник в каком-то департаменте в Петербурге. Он вышел из бедной семьи, к тому же еще и кривобок, поэтому считает себя хуже других. Но начальник обратил на него благосклонное внимание, близкий друг всячески помогает ему, а добрая девушка Лиза дала согласие выйти за него замуж.

Но чувствительная натура Васи, ничего до тех пор не имевшего, никак не может справиться со свалившимся на него счастьем. Беспокойство его достигает немислимых пределов, работа, порученная начальником, валится у него из рук. Его мучает чувство вины, оттого что он не сможет закончить задание в срок. Вася считает, что не заслужил такого счастья, совершенно теряется и, в конце концов, сходит с ума.

Под одной кровлей, в одной квартире, в одном четвертом этаже жили два молодые сослуживца Аркадий Иванович Нефедевич и Вася Шумков... Автор, конечно, чувствует необходимость объяснить читателю, почему один герой назван полным, а другой уменьшительным именем, хоть бы, например, для того только, чтоб не сочли такой способ выражения неприличным и отчасти фамильярным. Но для этого было бы необходимо предварительно объяснить и описать и чин, и лета, и звание, и должность, и, наконец, даже характеры действующих лиц; а так как много таких писателей, которые именно так начинают,

то автор предлагаемой повести, единственно для того чтоб не походить на них (то есть, как скажут, может быть, некоторые, вследствие неограниченного своего самолюбия), решается начать прямо с действия. Кончив такое предисловие, он начинает.

Вечером, накануне Нового года, часу в шестом, Шумков воротился домой. Аркадий Иванович, который лежал на кровати, проснулся и вполглаза посмотрел на своего приятеля. Он увидел, что тот был в своей превосходнейшей партикулярной паре и в чистейшей манишке. Это, разумеется, его поразило. «Куда бы ходить таким образом Васе? да и не обедал он дома!» Шумков между тем зажег свечку, и Аркадий Иванович немедленно догадался, что приятель собирается разбудить его нечаянным образом. Действительно, Вася два раза кашлянул, два раза прошелся по комнате и, наконец, совершенно нечаянно выпустил из рук трубку, которую было стал набивать в уголку, возле печки. Аркадия Ивановича взял смех про себя.

– Вася, полно хитрить! – сказал он.

– Аркаша, не спишь?

– Право, наверно не могу сказать; кажется мне, что не сплю.

– Ах, Аркаша! здравствуй, голубчик! Ну, брат! ну, брат!.. Ты не знаешь, что я скажу тебе!

– Решительно не знаю; подойди-ка сюда. Вася, как будто ждал того, немедленно подошел, никак не ожидая, впрочем, коварства от Аркадия Ивановича. Тот как-то преловко схватил его за руки, повернул, подвернул под себя и начал, как говорится, «душить» жертвочку, что, казалось, доставляло неимоверное удовольствие веселому Аркадию Ивановичу.

– Попался! – закричал он, – попался!

– Аркаша, Аркаша, что ты делаешь? Пусти, ради бога, пусти, я фрак замараю!..

– Нужды нет; зачем тебе фрак? зачем ты такой легковерный, что сам в руки даешься? Говори, куда ты ходил, где обедал?

– Аркаша, ради бога, пусти!

– Где обедал?

- Да про это-то я и хочу рассказать.
- Так рассказывай.
- Да ты прежде пусти.
- Так вот нет же, не пушу, пока не расскажешь!
- Аркаша, Аркаша! да понимаешь ли ты, что ведь нельзя, никак невозможно! – кричал слабосильный Вася, выбиваясь из крепких лап своего неприятеля, – ведь есть такие материи!..
- Какие материи?..
- Да такие, что вот о которых начнешь рассказывать в таком положении, так теряешь достоинство; никак нельзя; выйдет смешно – а тут дело совсем не смешное, а важное.
- И ну его, к важному! вот еще выдумал! Ты мне рассказывай так, чтоб я смеяться хотел, вот как рассказывай; а важного я не хочу; а то какой же ты будешь приятель? вот ты мне скажи, какой же ты будешь приятель? а?
- Аркаша, ей-богу, нельзя!
- И слышать не хочу...
- Ну, Аркаша! – начал Вася, лежа поперек кровати и стараясь всеми силами придать как можно

более важности словам своим. – Аркаша! я, пожалуйста, скажу; только...

– Ну что!..

– Ну, я помолвил жениться!

Аркадий Иванович, не говоря более праздного слова, взял молча Васю на руки, как ребенка, несмотря на то что Вася был не совсем коротенький, но довольно длинный, только худой, и преловко начал его носить из угла в угол по комнате, показывая вид, что его убаюкивает.

– А вот я тебя, жених, спеленаю, – приговаривал он. Но, увидя, что Вася лежит на его руках, не шелохнется и не говорит более ни слова, тотчас одумался и взял в соображение, что шутки, видно, далеко зашли; он поставил его среди комнаты и самым искренним, дружеским образом облобызал его в щеку.

– Вася, не сердись?..

– Аркаша, послушай...

– Ну, для Нового года.

– Да я-то ничего; да зачем же ты сам такой сумасшедший, повеса такой? Сколько я раз тебе

говорил: Аркаша, ей-богу, не остро, совсем не остро!

– Ну, да не сердисься?

– Да я ничего; на кого я сержусь когда! Да ты меня огорчил, понимаешь ли ты!

– Да как огорчил? каким образом?

– Я шел к тебе как к другу, с полным сердцем, излить перед тобой свою душу, рассказать тебе мое счастье...

– Да какое же счастье? что ж ты не говоришь?...

– Ну, да я женюсь-то! – отвечал с досадою Вася, потому что действительно немного был взбешен.

– Ты! ты женишься! так и вправду? – закричал благим матом Аркаша. – Нет, нет... да что ж это? и говорит так, и слезы текут!.. Вася, Васюк ты мой, сыночек мой, полно! Да вправду, что ль? – И Аркадий Иванович бросился к нему снова с объятиями.

– Ну, понимаешь, из-за чего теперь вышло? – сказал Вася. – Ведь ты добрый, ты друг, я это знаю. Я иду к тебе с такою радостью, с восторгом